

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-1-41-66

EDN: DOZRIS

УДК 316.647.8

Исследовательская статья

Межгрупповой контакт, личные и общекультурные стереотипы в межкультурных отношениях: содержание стереотипов о белорусах, китайцах, узбеках и чеченцах в Москве

Д.С. Григорьев , Е.Ш. Комягинская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

 dgrigoryev@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена использованию модели содержания стереотипов для изучения взаимосвязи позитивного и негативного межгруппового контакта с личными и общекультурными этническими стереотипами. Введение знакомит с теоретическими основами исследования – дается определение аккультурации и адаптации, а также очерчивается их связь со стереотипами и межгрупповым контактом в контексте межкультурных отношений. В эмпирической части анализируется межгрупповой контакт и этнические стереотипы о белорусах, китайцах, узбеках и чеченцах в Москве. Рассматриваются три конкурирующие гипотезы о соотношении валентности межгруппового контакта и стереотипов: 1) постоянной асимметрии; 2) полезности новой информации; 3) эпистемической защиты. Гендерно сбалансированную выборку составили 316 русских из Москвы в возрасте от 16 до 68 лет (в среднем 34 года). В результате линейные смешанные модели показали, что: 1) личные стереотипы более позитивные, чем общекультурные; 2) однако они располагаются относительно друг друга в соответствии с квадрантами общекультурных стереотипов; 3) межгрупповой контакт сам по себе связан с личными стереотипами в направлении согласно валентности контакта; 4) не обнаружено никаких свидетельств взаимодействия негативного контакта и общекультурных стереотипов, тогда как полезный эффект позитивного контакта оказался сильнее в этнических группах, для которых характерны более негативные общекультурные стереотипы. Сделан вывод, что личный опыт имеет лишь ограниченную возможность для улучшения и без того позитивного отношения или для ухудшения плохого. Поэтому может быть эффективна только социальная политика, направленная на изменение общекультурных стереотипов.

Ключевые слова: этнические стереотипы, межгрупповые контакты, модель содержания стереотипов, межгрупповая предвзятость, межкультурная адаптация, социальное познание, межкультурные отношения, аккультурация, межэтнические отношения, конфликты

Благодарности и финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

© Григорьев Д.С., Комягинская Е.Ш., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Растущее культурное многообразие современных обществ по всему миру, как никогда ранее, делает насущным вопрос о том, как нам всем жить вместе (Berry et al., 2022). Различия в развитии и проявлении черт родной культуры и индивидуального поведения между группами, составляющими такие плюралистические общества, можно объяснить: 1) их долговременной адаптацией к местным экологическим условиям; 2) контактом с другими культурами (Берри, 2019). Одними из особенно заметных этих различий являются фенотипические особенности, которые люди в повседневной жизни, в зависимости от контекста, называют «национальностью», «этничностью» или «расой». Взаимная *адаптация* этих групп к совместной жизни уже довольно продолжительное время изучается многими дисциплинами, включая этнографию, демографию, экономику, политологию, социологию, психологию и др. Всеобъемлющая исследовательская структура, которая используется во многих из них, была основана на концепции *аккультурации*, определяемой как процесс культурных и поведенческих изменений, возникающих в результате межкультурного контакта (Berry, 2005). Последствия аккультурации (то есть адаптация), особенно в зависимости от дисциплины, концептуализируются по-разному (напр., экономический успех, социальная вовлеченность, культурная компетентность, личное благополучие). Однако в целом их можно классифицировать в качестве трех типов адаптации: 1) *психологическая* («хорошее самочувствие»); 2) *социокультурная* («хорошая активность»); 3) *межкультурная* («хорошие отношения»; Berry et al., 2022).

Межкультурная адаптация характеризуется низким уровнем когнитивной (*стереотипы*), аффективной (*предубеждения*) и поведенческой (*дискриминация*) межгрупповой предвзятости. При этом именно этнические стереотипы лежат в основе межкультурных отношений (Grigoryev et al., 2021), в том числе и потому, что они находятся в начале каузальной последовательности проявления межгрупповой предвзятости (см.: Fiske, 2015). Поэтому резонно, что «стереотипы» являются одной из наиболее часто используемых концепций в теоретических и эмпирических исследованиях этнических установок и предубеждений, а также межэтнического восприятия и конфликтов (Brigham, 1971; Fiske, 2017). В настоящее время для изучения содержания этнических стереотипов наибольшее внимание в литературе получила модель содержания стереотипов С. Фиск (МСС), которая рассматривает стереотипы в качестве производной от межгрупповых отношений в обществе. Для каталогизации групповых образов МСС использует *вертикальное* и *горизонтальное* измерения (компетентность и теплоту), которые получают свою оценку в зависимости от положения группы в социальной структуре (Fiske et al., 2002; на русском языке см. обзор: Григорьев. Модель содержания стереотипов..., 2020b). Таким образом, МСС широко используется в качестве панкультурного инструмента: 1) для прогнозирования групповых стереотипов на основе структурных отношений с другими группами в обществе; 2) для кросс-культурных сравнений полученных паттернов (Fiske, 2017).

Проблема изменения стереотипов также длительное время находится в фокусе внимания исследований. В целом, известно, что даже общекультур-

ные стереотипы могут меняться, например, в процессе социокогнитивной адаптации в новой культурной среде (Stanciu et al., 2019) и в более гетерогенных контекстах (Vai et al., 2020). Общий механизм предполагает, что опыт межкультурного взаимодействия с течением времени может обогатить когнитивный и поведенческий репертуар людей, тем самым адаптируя людей к культурно многообразному обществу (Berry, Grigoryev, 2022). Это предполагает вовлечение множества психологических процессов (см. Crisp, Turner, 2011), каждый из которых так или иначе начинается с межгруппового контакта. Действительно, так называемая гипотеза контакта представляет собой одну из наиболее устойчивых идей в области межгрупповых отношений. Более того, в ходе обширного мета-анализа сотни исследований, проведенных во многих странах и в самых разных условиях (например, в школах, на работе, в лаборатории), было продемонстрировано, что межгрупповой контакт отрицательно связан с межгрупповой предвзятостью (Pettigrew, Tropp, 2006; на русском языке см. обзор: Варшавер, 2015). То есть он способствует межкультурной адаптации.

Кроме того, неслучайно, канадская политика мультикультурализма с 1971 г. включает два основных направления: 1) продвижение в обществе ценности сохранения различных культур на протяжении поколений; 2) содействие межгрупповому контакту. Основная идея этой политики состоит в том, что содействие сохранению культур без содействия контакту ведет к *сепарации*, а содействие контакту без содействия сохранению культур – к *ассимиляции*, в то время как содействие обоим направлениям в итоге приведет к взаимной *интеграции*, а отсутствие содействия обоим – *маргинализации* (Sam, Berry, 2010). В свою очередь интеграция характеризуется лучшей адаптацией в плюралистических обществах (Berry et al., 2022).

Таким образом, поскольку межгрупповой контакт является фундаментальным опытом повседневной жизни в подавляющем большинстве современных обществ, его эффекты вызывают большой интерес в различных областях социальных и поведенческих наук. Однако эти эффекты довольно редко связывают с интегративными моделями социального восприятия, такими как МСС (Kotzur et al., 2019). Это несмотря на то, что именно социально-когнитивный подход рассматривается как наиболее действенный в плане устранения дискриминационного поведения (Шамионов, 2018). Более того, хотя хорошо известно, что для снижения межгрупповой предвзятости позитивный контакт имеет положительный эффект, а негативный – отрицательный (Aberson, 2015), до сих пор достаточно плохо понятна роль общекультурных стереотипов в этом процессе (Zingora et al., 2021). Во время межгруппового взаимодействия они предоставляют важную информацию и, таким образом, могут повлиять на то, изменится ли отношение к определенной этнической группе после межгруппового контакта.

В связи с этим, особый интерес представляет связь *валентности* (то есть позитивный и негативный) культурного стереотипа с валентностью межгруппового контакта. Что происходит, когда они конгруэнтны и когда – наоборот (то есть, например, негативный контакт с культурно позитивно оцениваемой этнической группой)? Также, каковы особенности амбивалентных

стереотипов, которые выделяются в этом случае в МСС? Следующие вопросы касаются связи общекультурных стереотипов с личными стереотипами. Во-первых, насколько выражена ситуация, когда валентность общекультурного и личного стереотипа не совпадает? Во-вторых, что происходит в результате межгруппового контакта с личными стереотипами в случае их конгруэнтности и неконгруэнтности относительно валентности и самого контакта, и общекультурных стереотипов?

Получить ответы на все из них очень важно (особенно, зная, что позитивный и негативный контакт идут рука об руку в повседневном опыте взаимодействия; Berry, Grigoryev, 2022; Kotzur, Wagner, 2021). Поскольку использование межгруппового контакта в качестве инструмента для улучшения межкультурных отношений без учета воспринимаемых характеристик целевых аутгрупп сопряжено с опасностью того, что негативный контакт ухудшит отношения с группой с уже существующим позитивным стереотипным образом, больше, чем позитивный контакт сможет улучшить их (Zingora et al., 2021; см. также: Barlow et al., 2012). Эта статья предлагает некоторый вклад в поиск ответов на эти вопросы, используя следующую структуру: 1) в начале более детально рассматриваются фокальные концептуальные модели; 2) затем описывается введение в эмпирическую часть статьи; 3) наконец, полученные результаты обсуждаются в конкретном локальном контексте; 4) вновь обобщаются на теоретическом уровне; 5) предоставляя некоторые общие рекомендации по изменению этнических стереотипов.

Стереотипы и межгрупповой контакт. Стереотипы больше используются людьми в ситуации дефицита информации об уникальных индивидуализирующих характеристиках оцениваемых объектов. Основной когнитивной функцией стереотипов является экономное понимание социального мира и навигация в нем посредством особого упрощения и систематизации информации. У стереотипов есть также и множество социальных функций: начиная от обоснования целей ингруппы и объяснения целей аутгрупп, и заканчивая обеспечением социальных норм для поддержки предубеждений и дискриминации по отношению аутгруппам, а также оправдания подобной реакции (Григорьев. Модель содержания стереотипов..., 2020b; Новиков, Новикова, 2019).

Континуальная модель формирования впечатлений предполагает, что стереотип создает ожидание относительно взаимодействия с членами аутгруппы, которое, в свою очередь, формирует впечатление о ней (Fiske, 1993). То есть благодаря стереотипу, некоторое ожидание от межгруппового контакта присутствует еще до того, как сам он произойдет и может предрасполагать к соответствующим реакциям уже в процессе. Кроме того, если это ожидание в ходе межгруппового контакта не оправдывается, то данный случай предоставляет новую, а значит и более полезную, информацию об аутгруппе. Следовательно, неконгруэнтный стереотипам межгрупповой контакт может иметь больше влияния на отношение к аутгруппе, чем конгруэнтный.

Однако, в частности, мета-аналитическую поддержку получил и другой взгляд – в соответствии с различными теориями конгруэнтности схем, оценочное соответствие будет отражать *эпистемическую защиту*, то есть желание сохранить неизменными структуры знаний о мире, включая согла-

совано валентные схемы социальных групп, предполагающие соответствующие им предубеждения и стереотипы (Paolini, McIntyre, 2019). При этом есть мнение, что последствие негативного контакта всегда сильнее, чем позитивного (Barlow et al., 2012), а негативный контакт особенно важен для объяснения негативных стереотипов поскольку увеличивает значимость группового членства больше, чем положительный (Aberson, 2015), который скорее более связан с процессом персонализации.

Стереотипы и МСС. Важно проводить различие между *общекультурными стереотипами*, которые разделяют члены определенного общества, и *личными стереотипами*, которые представляют собой убеждения отдельных людей в отношении групп. Личные стереотипы обычно менее точные и более позитивные. Скорее всего, они будут больше окрашены личным опытом, мотивационными состояниями и индивидуальными различиями (Grigoryev, 2022). В то время как общекультурные стереотипы, вероятнее, будут больше связаны с реальным положением групп в социальной структуре и лучше передавать нормативный контекст (Grigoryev et al., 2021; Jussim et al., 2015; Kotzur et al., 2020; Popper, Kollárová., 2018).

Кроме того, стереотипы бывают *дескриптивными* и *прескриптивными* (Fiske, 1993; Jussim et al., 2015). Задача первых – с максимальной пользой (то есть точно и полно) предоставить диагностическую информацию о ключевых характеристиках, а вторых – создать прототип категории (большинство гендерных стереотипов являются наиболее ярким примером прескриптивных стереотипов).

Функциональный подход к стереотипам требует дополнительного разделения на *базовые стереотипы* и *стереотипы аффорданса* (Neuberg et al., 2020). Первые – представляют взгляд на то, кем на самом деле являются другие (например, их способности, особенности и склонности), тогда как вторые – на то, что эти характеристики могут означать для человека (то есть подразумевают ли они для него какие-то угрозы или возможности). Таким образом, стереотипы могут описывать группу «вообще» или «для себя». Стереотипы аффорданса имеют прямые последствия для развития предубеждений и дискриминации, в то время как базовые стереотипы сами по себе служат только «строительными блоками» для создания стереотипов аффорданса.

МСС была создана для систематизации *общекультурных/дескриптивных/базовых стереотипов* (то есть широко распространенных представлений о группах: «как группы рассматриваются обществом в целом»; Fiske et al., 2002). Другими словами, когда люди признают общее мнение о группах, даже если они не поддерживают его лично. В последнее время, МСС стала также активно использоваться и для рассмотрения содержания личных стереотипов (см.: Grigoryev et al., 2021; Kotzur et al., 2019, 2020; Григорьев и др., 2018).

Сильной стороной МСС является то, что демографические различия внутри страны не влияют на результаты оценки групп (Fiske, 2017), то есть для оценки общекультурных стереотипов не нужна репрезентативная выборка. Методика МСС запрашивает мнение общества, поэтому МСС имеет дело с разделяемой культурно повседневной теорией групп (*lay theory of*

groups). Действительно, люди очень хорошо знают общекультурные стереотипы, укорененные в их социуме, независимо от того, являются ли они сами предвзятыми или нет (Devine, 1989; Fiske, 1993). При этом не стоит смешивать эту устойчивость и точность общекультурных стереотипных оценок социальных групп с некоторой межличностной изменчивостью этих оценок (см.: Fiske, 2015).

Компетентность и теплота. МСС ориентирована на восприятие аут-групп на основе функциональных подходов к социальному познанию, которые предполагают, что для выполнения задач и формирования связей людям необходимо знать способности и намерения других (Fiske et al., 2002). Таким образом, МСС постулирует, что групповые образы различаются в зависимости: 1) от очевидной способности воплощать в жизнь свое намерение (*компетентность*); 2) кажущемуся доброжелательному или враждебному характеру этого намерения (*теплоте*). Оценки теплоты более реляционные, персональные и несколько менее согласованные. Компетентность и теплота не являются абсолютными синонимами других вертикальных и горизонтальных измерений содержания стереотипов (например, морали, социальности, общности, агентности), но очень тесно с ними связаны (Григорьев, 2022).

Для МСС не характерно привычное деление на автостереотипы и гетеростереотипы (см. например: Солдатова, 1993). Вместо этого, комбинация компетентности и теплоты дает деление стереотипов на квадранты. Квадрант позитивного содержания стереотипов – «*стереотипов восхищения*» (высокая теплота и высокая компетентность). Квадрант негативного содержания стереотипов – «*стереотипов презрения*» (низкая теплота и низкая компетентность). Два квадранта амбивалентного (смешанного) содержания стереотипов – «*стереотипов жалости*» (или «патерналистских стереотипов»; высокая теплота и низкая компетентность) и «*стереотипов зависти*» (низкая теплота и высокая компетентность; Fiske et al., 2002).

В зависимости от того, с какой эмоциональной реакцией связываются стереотипы, они стимулируют различное поведение (Fiske, 2015). Этнические стереотипы могут быть стереотипами восхищения, которые, как правило, характерны для описания этнического большинства. Они способствуют реализации помощи и партнерства. Стереотипы жалости редко применяются к этническим группам. Однако чаще они относятся к коренным малочисленным народам («*слабо выраженная*» аутгруппа; напр., феномен анекдотов о чукчах – этого поле ягоды). Стереотипы жалости связаны с протекцией или игнорированием. Стереотипы зависти описывают высокостатусные преуспевающие этнические группы («*средне выраженная*» аутгруппа; например, евреи, немцы, японцы), обычно из экономически развитых стран. Стереотипы зависти связаны либо с расчетливым сотрудничеством, либо с противодействием. Наконец, стереотипы презрения характерны для описания стигматизированных групп («*экстремально выраженная*» аутгруппа; например, цыгане; см. больше примеров для России: Григорьев. Модель содержания стереотипов..., 2020b). Они связаны с дегуманизацией и социальным исключением. Эти разнообразные образы позволяют дифференцировать группы в плюралистических обществах на обоих концах социально-экономического

статуса (Fiske, 2017; Григорьев, 2022), что предоставляет больше аналитических возможностей, нежели простое деление на «ценные» и «неценные» группы, предложенное ранее (см.: Montreuil, Bourhis, 2001).

Межгрупповой контакт и МСС. Опыт использования МСС для изучения личных стереотипов показал, что позитивный контакт положительно влиял на оценку компетентности и теплоты (на теплоту сильнее) соискателей убежища в Германии (Kotzur et al., 2019). При этом последствия негативного контакта не тестировались. Кроме того, есть результаты, что сами негативные личные стереотипы (прежде всего в аспекте теплоты) препятствовали готовности к межгрупповому контакту в Китае (Awale et al., 2019).

Опыт использования МСС для изучения общекультурных стереотипов относительно оценки цыган и вьетнамцев в Чехии показал, что отношение к аутгруппе в первую очередь формировалось в результате неконгруэнтного по валентности с культурными стереотипами межгруппового контакта (Zingora et al., 2021). То есть в ситуации сочетания позитивного контакта с негативным общекультурным стереотипом или негативного контакта с позитивным общекультурным стереотипом, а не когда их валентность была согласована. Также для модели, объясняющей межгрупповой контакт с иммигрантами в Израиле, основные различия в полученных результатах были отнесены именно к общекультурным оценкам теплоты рассмотренных групп (Walsh, Tartakovsky, 2021).

Настоящее исследование. Итак, любые стереотипы можно разделить на дескриптивные (описывают, какова группа есть) и прескриптивные (предписывают, каковой группа должна быть), а также – на личные стереотипы (индивидуальные представления о группах конкретного человека) и общекультурные стереотипы (общественные представления о группах, характерные для культуры в целом). Каждый человек всегда хорошо знает, какие общекультурные стереотипы представлены в обществе, но сам может их не поддерживать. Его личные стереотипы преимущественно зависят от персонального опыта, мотивации и индивидуальных особенностей. Персональный опыт может быть представлен особенностями межгруппового контакта, который в свою очередь находится под влиянием ожиданий на основе общекультурных стереотипов. При этом стоит ожидать, что последствия негативного контакта всегда будут сильнее позитивного (*гипотеза постоянной асимметрии*), либо здесь важна неконгруэнтность валентности межгруппового контакта и стереотипов (*гипотеза полезности новой информации*), либо наоборот – конгруэнтность (*гипотеза эпистемической защиты*). На сегодняшний день литература не дает четкого ответа на вопрос – от чего это зависит.

Настоящее исследование рассматривает взаимосвязи между позитивным и негативным контактом и личными, и общекультурными дескриптивными этническими стереотипами в Москве, используя МСС. Москва, как любой крупный столичный город, привлекательна для мигрантов. Мегapolis отличается их высокой концентрацией, а значит и богатыми возможностями для межгруппового контакта. При этом самая высокая доля респондентов с наиболее негативным отношением к иммигрантам фиксируется именно в крупных российских городах, включая Москву (Кузнецов, 2017;

Воронина, Фадеев, 2020). Личный опыт межэтнических контактов, наряду с общей оценкой жизненных возможностей, влияет на оценку москвичами межнациональных отношений в городе. Кроме того, уверенная готовность к межэтническим контактам у русских москвичей в целом сдержанная, а по намерениям в поведении в ряде сфер (трудовой и соседской) – достаточно открытая (Дробижева, 2015). Также, частота контакта с мигрантами у москвичей была связана с их поддержкой мультикультурной идеологии (Lebedeva et al., 2016).

В настоящем исследовании рассматривались стереотипы о белорусах, китайцах, узбеках и чеченцах. Данный выбор обусловлен тем, что в предыдущих исследованиях в России было показано, что эти группы занимают различные квадранты стереотипов, являются во многом прототипическими для них, а также легко оцениваются респондентами (Grigoryev et al., 2019). Кроме того, наибольшая социальная дистанция характерна для чеченцев, узбеков, а наименьшая – для белорусов (Кузнецов, 2017; см. также: Григорьев, 2022). Также иерархия отторжения этнических групп выстраивается от северокавказцев (при выделении – чеченцев) и до выходцев из Средней и Юго-Восточной Азии (в случае выделения – китайцев), а многие годы мигрантофобия направлена на мигрантов из среднеазиатских государств, на первых двух местах – представители Таджикистана и Узбекистана (Мукомель, 2021). В целом не только в Москве, но и в российских регионах наиболее подвержены стереотипизированию и предубеждениям такие категории как «трудовые мигранты» и «кавказцы» (Социальные факторы..., 2014), которые сами по себе (то есть без привязки к конкретным этническим группам) оцениваются низко и компетентности, и по теплоте (Григорьев. Модель содержания стереотипов..., 2020b).

Процедура и методы исследования

Участники. Общую гендерно сбалансированную выборку (54 % мужчин) составили 316 русских из Москвы в возрасте от 16 до 68 лет ($M = 34,3$; $SD = 11,9$): 68 % участников уже имели высшее образование, в то время как 19 % были студентами; при этом в целом 73 % участников были трудоустроены; также 44 % участников идентифицировали себя в качестве православных.

Процедура. Данные были собраны онлайн через социальные сети в июле 2017 г. Участники были приглашены с помощью платной таргетированной рекламы в самой популярной социальной сети в России VK. По специальной ссылке участникам была предоставлена анкета, содержащая всю необходимую информацию, включая общую тему исследования, политику конфиденциальности и контакты для обратной связи.

Инструменты. Все методики, которые не были до этого переведены на русский язык, были адаптированы методом двойного перевода и когнитивного интервью с использованием техники think-aloud (Григорьев и др., 2018; Григорьев. Модель «Контакты – Эмоции – Предубеждения»..., 2020a). Для всех пунктов использовалась шкала ответов типа Ликерта. Коэффициенты надежности шкал для текущего исследования представлены в скобках.

Зависимая переменная. Личные стереотипы. Для оценки компетентности и теплоты использовались два вопроса: «Насколько представители рассматриваемых групп компетентны, конкурентоспособны, умны?» и «Насколько представители рассматриваемых групп терпимы, сердечны, добродушны?» (Григорьев и др., 2018).

Независимые переменные. Позитивный контакт. Для каждой рассматриваемой группы использовались по пять пунктов (Reimer et al., 2017), например: «Как часто чеченцы Вам помогали?» (для белорусов $\omega = 0,95$; для китайцев $\omega = 0,95$; для узбеков $\omega = 0,93$; для чеченцев $\omega = 0,93$).

Негативный контакт. Для каждой рассматриваемой группы использовались по пять пунктов (Reimer et al., 2017), напр.: «Как часто узбеки оскорбляли Вас?» (для белорусов $\omega = 0,82$; для китайцев $\omega = 0,78$; для узбеков $\omega = 0,92$; для чеченцев $\omega = 0,94$).

Частота контакта. Использовались три пункта (Visintin et al., 2017), напр.: «Сколько представителей другой национальности в России Вы знаете лично?» ($\omega = 0,85$).

Анализ данных. На этапе подготовки данных был проведен их скрининг, включающий проверку выбросов и пропусков. Выбросы, которые необходимо было бы исключить из последующего анализа, выявлялись с помощью значений расстояния Махаланобиса, расстояния Кука и величине левериджа. Затем были рассчитаны показатели надежности шкал, коэффициент ω -МакДональда (где показатель $\omega > 0,70$ свидетельствует о достаточной надежности), после которых – средние баллы по ним, а также проведена процедура рещкалирования этих баллов в диапазон от 0,01 до 1 (где 1 – максимальная выраженность признака/качества, а 0,01 – минимальная).

Поскольку каждый респондент оценивал позитивный контакт, негативный контакт и личные стереотипы относительно четырех этнических групп, увеличивая таким образом количество доступных для анализа наблюдений до 1264, применение многоуровневых моделей позволило использовать интраиндивидуальную дисперсию наравне с межиндивидуальной для расчета оценок взаимосвязей между фокальными переменными. Первый этап предварительного анализа включал расчет многоуровневых парных и частных корреляций Пирсона с поправкой Холма – Бонферрони. Следующий этап предварительного анализа и основной анализ осуществились с помощью линейных смешанных моделей. Для многоуровневых корреляций и смешанных моделей использовались робастные варианты оценки параметров, устойчивые к отклонениям распределений переменных от нормального.

Результаты

Предварительный анализ. Данные не содержали выбросов и пропусков. Все шкалы имели приемлемую надежность, ω -МакДональда находилась в диапазоне от 0,78 до 0,95 (среднее значение составило 0,90).

Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 1. И парные, и частные корреляции указывали, что в целом, то есть даже без учета групповой специфики, оценки компетентности и теплоты были связаны положительно. При этом данные оценки также были положительно связаны

с позитивным контактом, и отрицательно – с негативным контактом. В совокупности паттерны взаимосвязей между переменными межгруппового контакта могли свидетельствовать, что в среднем участники, имевшие большой опыт межэтнического взаимодействия, действительно имели также и больше контактов, как позитивных, так и негативных. Лучше понять все обнаруженные взаимосвязи позволит последующий анализ, учитывающий специфику рассмотренных этнических групп.

Таблица 1 / Table 1

**Многоуровневые робастные парные и частные корреляции
между фокальными переменными ($n = 1264$; $N = 316$) /
Multilevel robust bivariate and partial correlations
between focal variables ($n = 1264$; $N = 316$)**

Переменные / Variables	1	2	3	4	5
<i>Содержание стереотипа / Stereotype content</i>					
1. Компетентность / Competence	–	0,40*	0,11*	–0,15*	0,03
2. Теплота / Warmth	0,49*	–	0,30*	–0,17*	0,03
<i>Межгрупповой контакт / Intergroup contact</i>					
3. Позитивный контакт / Positive contact	0,27*	0,38*	–	0,12*	0,10*
4. Негативный контакт / Negative contact	–0,23*	–0,23*	0,01	–	0,01
5. Частота контакта / Contact frequency	0,08*	0,09*	0,13*	0,01	–

Примечание: * $p < 0,05$; ниже диагонали приведены парные корреляции, а выше – частные.
Note: * $p < 0.05$; below the diagonal are bivariate correlations, above the diagonal are partial ones.

Результаты сравнения средних значений по группам представлены в табл. 2. Содержание стереотипов в большинстве случаев имело оценки выше середины шкалы (то есть 0,50), а межгрупповые контакты характеризовались баллами более чем в два раза ниже середины шкалы (кроме позитивного контакта с белорусами). Это может говорить о том, что в среднем опыт подобного межэтнического взаимодействия в целом для участников был довольно редким (либо в среднем не часто в своем опыте межгруппового контакта участники могли точно идентифицировать этническую группу другой стороны взаимодействия).

При этом только китайцы и узбеки получили одинаковую оценку от участников по теплоте, все остальные оценки содержания стереотипов значимо различались (то есть компетентность: белорусы > китайцы > чеченцы > узбеки; теплота: белорусы > узбеки = китайцы > чеченцы). Все значения межгруппового контакта также различались по группам, кроме значения негативного контакта в случае белорусов и китайцев (т. е. позитивный контакт: белорусы > узбеки > чеченцы > китайцы; негативный контакт: чеченцы > узбеки > китайцы = белорусы).

Как итог, 22 и 23 % дисперсии в оценках компетентности и теплоты были связаны с конкретной рассматриваемой этнической группой. В то время как группа соотносилась с позитивным и негативным контактом только в рамках 16 и 6 % дисперсии. Это может указывать на то, что в среднем позитивный опыт контакта у участников больше ассоциировался с конкретной

группой, чем негативный. И конечно же, именно когнитивная оценка (то есть содержание стереотипа) больше зависела от конкретной группы, а не от межгруппового контакта.

Добавление межличностной вариации в моделях более чем в два раза увеличило все коэффициенты детерминации. Это дополнительно подчеркивает важность учета индивидуальных различий. Кроме того, для каждого участника его оценка конкретной группы по компетентности и теплоте (например, белорусов) была связана в среднем с его оценкой любой другой группы (например, чеченцев) на уровне 0,37, тогда как для межгруппового контакта значения в среднем около 0,24. Это может указывать на некий уровень общей когнитивной предвзятости участников в отношении аутгрупп и на какие-то их общие особенности во время межгруппового контакта (например, уровень коммуникативных навыков).

Таблица 2 / Table 2

Различия в средних значениях переменных по группам в линейных смешанных моделях ($n = 1264$; $N = 316$) / Differences in mean values across groups in linear mixed models ($n = 1264$; $N = 316$)

Переменные / Variables	Группы / Groups				R_m^2/R_c^2	ICC
	Белорусы / Belarusians	Китайцы / Chinese	Узбеки / Uzbeks	Чеченцы / Chechens		
	M (SD)	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
<i>Содержание стереотипа / Stereotype content</i>						
Компетентность / Competence	0,80 (0,18) _a	0,69 (0,21) _b	0,51 (0,22) _c	0,58 (0,22) _d	0,22/0,51	0,37
Теплота / Warmth	0,83 (0,17) _a	0,62 (0,23) _b	0,63 (0,23) _b	0,49 (0,24) _c	0,23/0,52	0,37
<i>Межгрупповой контакт / Intergroup contact</i>						
Позитивный контакт / Positive contact	0,50 (0,27) _a	0,27 (0,15) _b	0,34 (0,19) _c	0,30 (0,17) _d	0,16/0,36	0,24
Негативный контакт / Negative contact	0,18 (0,04) _a	0,18 (0,04) _a	0,21 (0,13) _b	0,24 (0,16) _c	0,06/0,28	0,23

Примечание. Разные латинские буквы указывают на значимые различия ($p < 0,05$) в средних значениях; R_m^2 – маргинальный коэффициент детерминации; R_c^2 – условный коэффициент детерминации; ICC – коэффициент интерклассовой корреляции.

Note. Different Latin letters indicate significant differences ($p < 0.05$) in mean values; R_m^2 – marginal R^2 ; R_c^2 – conditional R^2 ; ICC = interclass correlation coefficient.

Основной анализ. Результаты оценки взаимосвязей этнической группы, межгруппового контакта и личных стереотипов представлены в табл. 3. Предикторы были связаны с 30 % дисперсии в оценке компетентности и 34 % дисперсии в оценке теплоты. Добавление межличностной вариации также увеличило все коэффициенты детерминации почти ровно в два раза. Наблюдаемые паттерны обеих моделей в среднем были достаточно согласованы для каждого участника (около 0,41).

Рассматриваемая этническая группа была значимым предиктором компетентности ($F[3; 897,5] = 109,4$; $p < 0,001$) и теплоты ($F[3; 951,4] = 92,9$; $p < 0,001$), даже при учете остальных переменных. Она двигала оценку содержания личных стереотипов в сторону соответствующих ей общекультурных стереотипов (то есть в соответствующий квадрант). При этом в обоих случаях позитивный контакт сам по себе был положительным предиктором

оценки содержания личных стереотипов (компетентность: $F[1; 362,9] = 74,9$; $p < 0,001$; теплота: $F[1; 463,3] = 122,5$; $p < 0,001$), а негативный контакт – отрицательным (компетентность: $F[1; 171,1] = 28,5$; $p < 0,001$; теплота: $F[1; 499,0] = 40,0$; $p < 0,001$).

Наиболее значительной находкой являются результаты взаимодействия этнической группы и позитивного и негативного контакта. Так не было обнаружено никаких свидетельств взаимодействия группы и негативного контакта (компетентность: $F[3; 461,7] = 1,3$; $p = 0,270$; теплота: $F[3; 479,4] = 0,8$; $p = 0,501$). В то время как было обнаружено значимое взаимодействие группы и позитивного контакта (компетентность: $F[3; 927,2] = 6,6$; $p < 0,001$; теплота: $F[3; 934,7] = 3,4$; $p = 0,018$). Эти взаимодействия были характерны для всех случаев сравнения, кроме оценки компетентности китайцев, видимо, из-за так называемого эффекта потолка, так как китайцы изначально имели довольно высокую оценку по компетентности. При этом этот паттерн для позитивного контакта был сильнее для тех этнических групп, для которых характерны более негативные общекультурные стереотипы.

Таблица 3 / Table 3

Нестандартизованные коэффициенты в линейных смешанных моделях ($n = 1264$; $N = 316$) / Non-standardized coefficients for linear mixed models ($n = 1264$; $N = 316$)

Предикторы / Predictors	Содержание стереотипа / Stereotype content	
	Компетентность / Competence	Теплота / Warmth
<i>Группа (P: Белорусы) / Group (R: Belarusians)</i>		
Китайцы / Chinese	-0,08*	-0,16*
Узбеки / Uzbeks	-0,24*	-0,14*
Чеченцы / Chechens	-0,14*	-0,26*
<i>Межгрупповой контакт / Intergroup contact</i>		
Позитивный контакт / Positive contact	0,27*	0,33*
Негативный контакт / Negative contact	-0,50*	-0,56*
Частота контакта / Contact frequency	-0,03	-0,01
<i>Взаимодействие для ПК (P: Белорусы) / Interaction for PC (R: Belarusians)</i>		
Китайцы × Позитивный контакт / Chinese × Positive contact	0,01	0,13*
Узбеки × Позитивный контакт / Uzbeks × Positive contact	0,14*	0,14*
Чеченцы × Позитивный контакт / Chechens × Positive contact	0,25*	0,16*
<i>Взаимодействие для НК (P: Белорусы) / Interaction for NC (R: Belarusians)</i>		
Китайцы × Негативный контакт / Chinese × Negative contact	-0,45	-0,30
Узбеки × Негативный контакт / Uzbeks × Negative contact	-0,08	-0,04
Чеченцы × Негативный контакт / Chechens × Negative contact	-0,20	0,03
<i>Показатели модели / Model indicators</i>		
R_m^2/R_c^2	0,30/0,64	0,34/0,63
ICC	0,42	0,40
Количество наблюдений / Number of observations	1264	1264

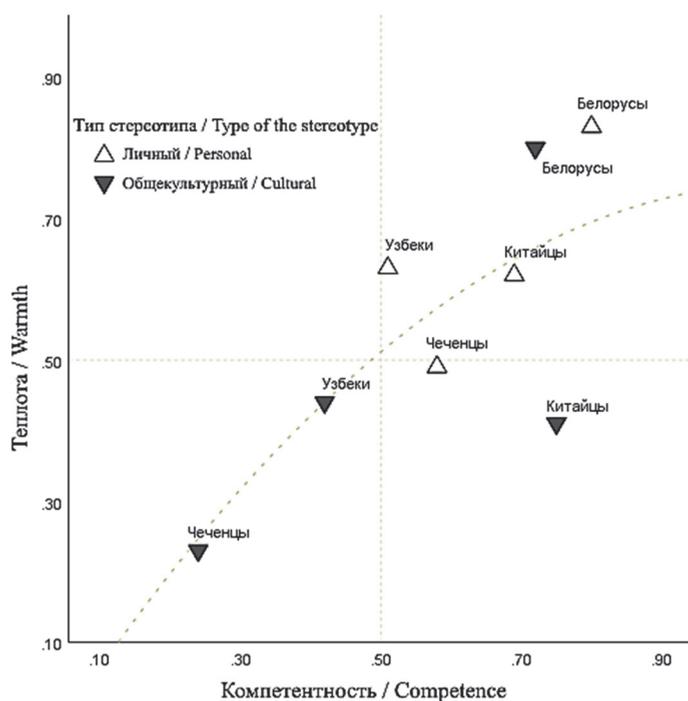
Примечание. * $p < 0,05$; R_m^2 – маргинальный коэффициент детерминации; R_c^2 – условный коэффициент детерминации; ICC – коэффициент интерклассовой корреляции; P – группа сравнения; ПК – позитивный контакт; НК – негативный контакт.

Note. * $p < 0,05$; R_m^2 – marginal R^2 ; R_c^2 – conditional R^2 ; ICC – interclass correlation coefficient; R – reference group; PC – positive contact; NC – negative contact.

Обсуждение

Настоящее исследование, используя МСС, рассмотрело взаимосвязи между позитивным и негативным контактом и личными и общекультурными дескриптивными стереотипами о белорусах, китайцах, узбеках и чеченцах в Москве. Результаты свидетельствовали: 1) что личные этнические стереотипы были заметно более позитивными, чем общекультурные (почти все оценки были выше середины шкалы); 2) однако, они имели заметный «отпечаток» общекультурных стереотипов в плане групповой позиции, поскольку переменная, кодирующая этнические группы, предсказывала их значения в общей модели в соответствии с расположением этих групп на карте общекультурных стереотипов (то есть они располагались относительно друг друга в соответствии с квадрантами общекультурных стереотипов); 3) межгрупповой контакт сам по себе был связан с личными стереотипами в направлении согласно валентности контакта (то есть позитивный – положительно, а негативный – отрицательно); 4) наконец, не было обнаружено никаких свидетельств взаимодействия негативного контакта в зависимости от этнической группы, тогда как для позитивного контакта значимое взаимодействие было обнаружено, то есть полезный эффект позитивного контакта был сильнее для тех этнических групп, для которых характерны более негативные общекультурные стереотипы.

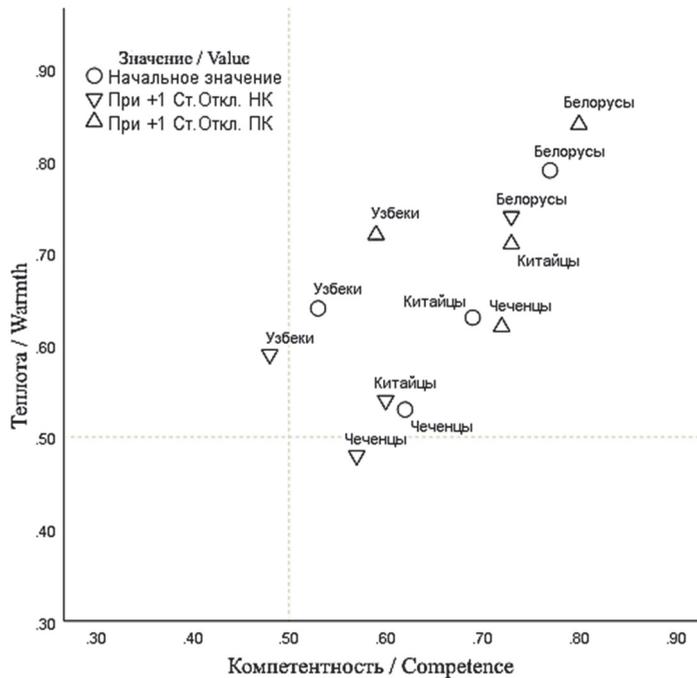
Личные и общекультурные стереотипы. На рис. 1 средние значения оценок общекультурных стереотипов (по Grigoryev et al., 2019) были решкалированы в одинаковую метрику со средними значениями оценок личных стереотипов в настоящем исследовании.

Рис. 1. Соотнесение личных и общекультурных стереотипов
Figure 1. Matching between personal and cultural stereotypes

В полном соответствии с предыдущими исследованиями (см. например: Kotzur et al., 2020; Popper, Kollárová, 2018), личные стереотипы были действительно более позитивными, чем общекультурные. Однако в своих оценках они демонстрировали те же относительные групповые позиции, что и общекультурные. То есть их расположение в соответствующих квадрантах все так же сохранялось.

Межгрупповой контакт и личные стереотипы. На рис. 2 показан вариант предсказания оценок личных стереотипов согласно оцененной в настоящем исследовании модели.

Рис. 2. Точечные оценки прогнозирования изменения значений компетентности и теплоты при условии +1 SD позитивного/негативного контакта по результатам линейных смешанных моделей
Figure 2. Point estimates based on the results of the linear mixed models for predicting changes in the values of competence and warmth for the condition of +1 SD positive/negative contact

Можно наблюдать, что позитивный контакт, действительно, в соответствии с континуальной моделью формирования впечатлений (Fiske, 1993), лучше себя проявлял именно при неконгруэнтных условиях валентности контакта и стереотипов – «позитивный контакт – негативные стереотипы» (то есть для чеченцев и узбеков). При этом негативный контакт в одинаковой степени ухудшал личные стереотипы ко всем рассмотренным группам, по-видимому, двигая их в сторону соответствующих общекультурных оценок.

Данные результаты частично соответствуют чешским (см.: Zingora et al., 2021), хотя в нем оценивались не личные стереотипы, а отношение к аутгруппе, тем не менее там сообщалось, что неконгруэнтность имела значение и для позитивного, и для негативного контакта. Кроме того, данные результаты не находят паттерна так называемого эффекта *асимметрии позитивного и негативного контакта* в отношении предубеждений, когда опыт негативного контакта усиливает предубеждения сильнее, чем положительного –

уменьшает их (Barlow et al., 2012), даже если провести различие между стигматизированными (напр., чеченцами) и позитивно оцениваемыми группами (например, белорусами) (Paolini, McIntyre, 2019). Напротив, для стигматизированных групп асимметрия скорее наблюдается для позитивного контакта. Хотя стоит также отметить, что другие исследователи вообще ставят под сомнение существование этого эффекта, который предполагает *гипотеза постоянной асимметрии* (см.: Aberson et al., 2021). И кроме того, из перечисленных в этом абзаце исследований МСС касается только одно (то есть Zingora et al., 2021).

Суммируя эти результаты, можно предположить, что личные стереотипы находятся под «постоянным давлением» общекультурных стереотипов. То есть *личный опыт имеет лишь ограниченную возможность улучшить/ухудшить персональные образы этнических групп сталкиваясь с эффектом потолка/пола* (то есть не имеет много возможностей для улучшения и без того позитивного отношения, или для ухудшения – плохого). Таким образом, для улучшения межкультурных отношений усилия прежде всего стоит направить на изменение именно общекультурных стереотипов.

Основной источник общекультурных стереотипов. Ранее было упомянуто, что в глазах москвичей особое значение имеет социальный статус мигрантов (Космарская, Савин, 2021). Действительно, согласно МСС, общекультурные стереотипы получают свое содержание из положения групп в социальной структуре общества (Fiske, 2017). То есть в зависимости: 1) от преобладания среди членов групп определенных социальных ролей; 2) исторически сложившихся межгрупповых отношений. Межгрупповые отношения в данном случае описываются воспринимаемым статусом (социетальные ресурсы и престиж группы), который определяет оценку компетентности. И воспринимаемой взаимозависимостью (в негативном аспекте это воспринимаемая конкуренция вследствие несовпадения целей и угрозы ресурсам или ценностям группы), которая определяет оценку теплоты. В качестве простого примера оценка компетентности группы будет зависеть от восприятия того, насколько экономически успешно и хорошо образовано большинство типичных представителей этой группы, а оценка теплоты – насколько их ценности и образ жизни выглядят чуждыми. Однако, этнические стереотипы здесь особый случай – статус этнической группы определяет и компетентность, и теплоту (см.: Grigoryev, 2022; Григорьев, 2022). В том числе это было показано на российских данных (см.: Grigoryev et al., 2019; Григорьев, 2022).

Кроме того, например, мигрантов оценивают по воспринимаемому вкладу в общество и их трудолюбию (Григорьев, 2022). То есть очень важно, является ли этническая группа в восприятии людей экономическим бременем для общества, что определяется ее статусом, то есть воспринимаемым уровнем образованности, дохода и престижности распространенных у представителей этой группы профессий. Более того, экология «маркирует» своих жителей (см.: Grigoryev, 2022). Люди могут делать выводы о преобладающем комплексе черт и поведенческих стратегий, исходя из окружающей среды, в которой обитают другие. Например, бедность и высокая среднегодовая температура родного для этнической группы региона проживания свя-

заны с более низкой оценкой компетентности и теплоты этой группы. То есть люди также выводят некоторые суждения о статусе на базе информации о типичной среде обитания групп. В итоге, когда для вынесения суждения о группе доступна противоречивая информация сразу из нескольких источников, то она, как правило, усредняется.

Социально-психологические основы межличностных и межгрупповых сравнений на базе статуса – это, пожалуй, ключевая часть социального познания и восприятия (Grigoryev et al., 2019). У всех животных, живущих в группах, есть иерархия и неравенство, порожденные статусом. Любые социальные системы требуют различий в статусе. Сравнение на базе статуса, происходят в мозге автоматически, это тысячелетиями эволюционно сложившееся свойство человеческой природы закономерно и очень сложным образом воссоздает в каждом обществе соответствующую социальную структуру и социальное неравенство.

В этом аспекте, межкультурные отношения, в большей мере, представляют собой *частный случай* отношений в ситуации глобального и локального социального неравенства, только со своей спецификой. И как подчеркивалось ранее, здесь было бы ошибкой называть «межэтническими» или «межконфессиональными» конфликтами, конфликты между преуспевающим принимающим обществом столиц и крупных городов и мигрантами, для которых, как правило, характерны культурные практики бедного, малообразованного, в основном сельского по своему происхождению населения (Филиппова, 2014). Не удивительно, что в таком случае негативные установки москвичей в отношении приезжих обусловлены в первую очередь поведением последних – «они ведут себя как хозяева на нашей земле» (Дробижева, 2015) из-за их недостаточной включенности в повседневный культурный контекст принимающей стороны и отсутствие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям городского образа жизни или незнание оных (Кузнецов, 2017). Здесь также примечательно, что наиболее часто выбираемой стратегией межличностного поведения русских в межкультурном конфликте является *обучение автохтонной культуре*, то есть объяснение культурных норм и правил принимающего большинства и разъяснение необходимости следовать им (Batkina, 2020).

Изменение общекультурных стереотипов. Люди приобретают общекультурные стереотипы в процессе социализации и инкультурации, а не рождаются с ними. Стереотипы возникают в результате наблюдений и получают конечную форму в ходе обыденных процессов социального познания (Eagly, Koenig, 2021). Работа с этническими стереотипами должна быть комплексной – прямой (то есть через личный опыт) и косвенной (то есть через социальную коммуникацию) – и прежде всего включать: 1) различные меры социальной политики в России в плане повышения социального статуса групп (Григорьев. Модель содержания стереотипов., 2020b); 2) работу со стратегиями этнической категоризации в результате негативного контакта (Григорьев и др., 2018; Григорьев. Модель «Контакты – Эмоции – Предубеждения»., 2020a); 3) и межличностным поведением в межкультурных конфликтах (Batkina, 2020); 4) а также особому подходу к учебной литературе (Kozlova,

Ryabichenko, 2021); 5) и к СМИ, в плане создания позитивных образов этнических групп (Социальные факторы..., 2014) и освещения событий в межкультурной сфере (Кузнецов, 2017). Эти вмешательства должны быть взвешенными, иначе, несмотря на благие намерения, они могут не привести к желаемым изменениям. Например, некоторые люди могут считать членов так называемых недопредставленных групп недостаточно квалифицированными для занимаемой должности, если для них она стала результатом инициатив по культурному многообразию, таких как квоты и т. п. (см.: Dover et al., 2020).

Российская социальная политика в области межкультурных отношений могла быть основана на такой комплексной программе на базе трех социально-психологических принципов (мультикультурализм, контакт, интеграция), получивших мета-аналитическую поддержку (см.: Berry et al., 2022; они также рассматривались в Москве, см.: Lebedeva et al., 2016). Это прежде всего касается принципа мультикультурализма, согласно которому, когда люди чувствуют себя в обществе в безопасности, они смогут лучше принять тех, кто отличается от них самих. И наоборот, когда люди чувствуют угрозу, они отвергают других. При этом большинство респондентов в России полагают, что численность мигрантов велика, и эти люди озабочены ростом их числа в месте своего проживания (Мукомель, 2021). А как было показано в другом мета-анализе, существует довольно сильная связь между негативными стереотипами и осязаемыми и символическими угрозами (Riek et al., 2006). Усилия по снижению этих угроз являются многообещающим подходом для содействия уменьшению предубежденности, особенно среди людей, которые испытали негативный контакт (Aberson, 2015). Таким образом, работа с воспринимаемой безопасностью населения – один из вариантов корректировки негативных этнических стереотипов через изменение межгрупповых отношений в аспекте воспринимаемой взаимозависимости групп, а не их статуса.

Главное стоит помнить, что в основе общекультурных стереотипов лежат повседневные наблюдения, поэтому не стоит пытаться просто полоть быстрорастущие сорняки («стереотипы») вместо того, чтобы выкапывать их с корнями («наблюдения»; Eagly, Koenig, 2021). Успешное практическое вмешательство через реальные изменения должно разорвать порочный круг, в котором стереотипы возникают и сохраняются с течением времени. Например, когда женщины в США в большом количестве начали занимать такие профессии, как врач, юрист и профессор – их воспринимаемая компетентность повысилась, и, таким образом, женские и мужские стереотипы в отношении этой черты сейчас стали более похожими (см.: Eagly et al., 2020). Без подобной смены ролей, лежащей в основе стереотипов, порочный круг постоянно повторяется: социальные роли порождают общекультурные стереотипы, которые, в свою очередь, поддерживают существующие роли (Eagly, Koenig, 2021). При достаточном перемещении людей из ранее исключенных социальных категорий на новые роли последующие за ними наблюдения могут изменить прежние общекультурные стереотипы. Однако, опять же, такие трансформации требуют преодоления сил, которые могут этому препятствовать, посредством разумной, а не лево-популистской социальной политики.

Ограничения и будущие исследования. Настоящее исследование так же, как и проведенные ранее (например, Zingora et al., 2021) не измеряло общекультурные стереотипы непосредственно, а использовала этническую группу как прокси-переменную для такой оценки. Хотя в этом есть позитивный момент – решение проблемы общего метода, включающего стиль ответов, в будущих исследованиях можно было бы дополнительно использовать и их прямую оценку респондентами. Кроме того, сами методики для измерения общекультурных и личных стереотипов могли бы быть более консистентными. Также, перспективным является рассмотрение полной цепочки межгрупповой предвзятости (то есть стереотипы, предубеждения, дискриминация) и использование большего количества групп для оценки.

Заключение

В результате можно сделать общий вывод, что хотя личные этические стереотипы являются более позитивными и могут улучшаться в случае позитивного контакта, они находятся в довольно сильной зависимости от преобладающих в социуме общекультурных стереотипов об этнических группах. Поэтому любые вмешательства, основанные только на межгрупповом контакте, будут иметь ограниченную способность улучшить межкультурную адаптацию. Для гармонизации межкультурных отношений в первую очередь необходима комплексная социальная политика, направленная на изменение общекультурных стереотипов.

Список литературы

- Берри Дж.У. Экокультурная психология / пер. с англ. Д.С. Григорьев // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 4–16. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
- Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5 (129). С. 183–214. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>
- Воронина Н.С., Фадеев П.В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 99–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681>
- Григорьев Д.С. Когнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий: применение модели групповой позиции этнических групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 86–109. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109>
- Григорьев Д.С. Модель «Контакты – Эмоции – Предубеждения»: роль этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 167–184. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110311>
- Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 215–244. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
- Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140206>
- Дробизева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11 (379). С. 80–90.

- Космарская Н.П., Савин И.С. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94–111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>
- Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.
- Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2. С. 53–68.
- Новиков А.Л., Новикова И.А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 977–989. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
- Солдатова Г.У. Исследование динамики этнических стереотипов // Социально-психологические исследования межнациональных отношений / под ред. П.Н. Шихирева. М.: ИП РАН, 1993.
- Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2014. 364 с.
- Филиппова Е.И. Мультикультурализм как политика и как фигура речи // Вестник Российской нации. 2014. № 2 (34). С. 127–137.
- Шамионов Р.М. Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 2. С. 129–135. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-135>
- Aberson C.L. Positive intergroup contact, negative intergroup contact, and threat as predictors of cognitive and affective dimensions of prejudice // Group Processes & Intergroup Relations. 2015. Vol. 18. No 6. Pp. 743–760. <https://doi.org/10.1177/1368430214556699>
- Aberson C.L., Ferguson H., Allen J. Contact, threat, and prejudice: a test of intergroup threat theory across three samples and multiple measures of prejudice // Journal of Theoretical Social Psychology. 2021. Vol. 5. No 4. Pp. 404–422. <https://doi.org/10.1002/jts5.107>
- Awale A., Chan C.S., Ho G.T.S. The influence of perceived warmth and competence on realistic threat and willingness for intergroup contact // European Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 49. No 5. Pp. 857–870. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2553>
- Bai X., Ramos M.R., Fiske S.T. As diversity increases, people paradoxically perceive social groups as more similar // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117. No 23. Pp. 12741–12749. <https://doi.org/10.1073/pnas.2000333117>
- Barlow F.K., Paolini S., Pedersen A., Hornsey M.J., Radke H.R.M., Harwood J., Rubin M., Sibley C.G. The contact caveat: negative contact predicts increased prejudice more than positive contact predicts reduced prejudice // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. No 12. Pp. 1629–1643. <https://doi.org/10.1177/0146167212457953>
- Batkina A. Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: a study in Germany and Russia // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2020. Vol. 26. No 1. Pp. 22–34. <https://doi.org/10.1037/pac0000429>
- Berry J.W. Acculturation: living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. No 6. Pp. 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry J.W., Grigoryev D. An adaptationist framework to examine intergroup contact // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. Vol. 15. No 4. Pp. 83–100. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0406>
- Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS Collaboration, Grigoryev D. How shall we all live together? Meta-analytical review of the mutual intercultural relations in plural societies project // Applied Psychology. 2022. Vol. 71. No 3. Pp. 1014–104. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Brigham J.C. Ethnic stereotypes // Psychological Bulletin. 1971. Vol. 76. No 1. Pp. 15–38. <https://doi.org/10.1037/h0031446>
- Crisp R.J., Turner R.N. Cognitive adaptation to the experience of social and cultural diversity // Psychological Bulletin. 2011. Vol. 137. No 2. Pp. 242–266. <https://doi.org/10.1037/a0021840>

- Devine P.G.* Stereotypes and prejudice: their automatic and controlled components // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. No 1. Pp. 5–18. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.5>
- Dover T.L., Kaiser C.R., Major B.* Mixed signals: the unintended effects of diversity initiatives // *Social Issues and Policy Review*. 2020. Vol. 14. No 1. Pp. 152–181. <https://doi.org/10.1111/sipr.12059>
- Eagly A.H., Koenig A.M.* The vicious cycle linking stereotypes and social roles // *Current Directions in Psychological Science*. 2021. Vol. 30. No 4. Pp. 343–350. <https://doi.org/10.1177/09637214211013775>
- Eagly A.H., Nater C., Miller D.I., Kaufmann M., Sczesny S.* Gender stereotypes have changed: a cross-temporal meta-analysis of U.S. public opinion polls from 1946 to 2018 // *American Psychologist*. 2020. Vol. 75. No 3. Pp. 301–315. <https://doi.org/10.1037/amp0000494>
- Fiske S.T.* Controlling other people: the impact of power on stereotyping // *American Psychologist*. 1993. Vol. 48. No 6. Pp. 621–628. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.48.6.621>
- Fiske S.T.* Intergroup biases: a focus on stereotype content // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 3. Pp. 45–50. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2015.01.010>
- Fiske S.T.* Prejudices in cultural contexts: shared stereotypes (gender, age) versus variable stereotypes (race, ethnicity, religion) // *Perspectives on Psychological Science*. 2017. Vol. 12. No 5. Pp. 791–799. <https://doi.org/10.1177/1745691617708204>
- Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J.* A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. No 6. Pp. 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>
- Grigoryev D.* Ethnic stereotype content beyond intergroup relations within societies: exploring the North-South hypothesis for competence and warmth // *Cross-Cultural Research*. 2022. Vol. 56. No 4. Pp. 345–384. <https://doi.org/10.1177/10693971221080618>
- Grigoryev D., Berry J.W., Zabrodskaia A.* Editorial: stereotypes and intercultural relations: interdisciplinary integration, new approaches, and new contexts // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 728048. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.728048>
- Grigoryev D., Fiske S.T., Batkhina A.* Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: the Stereotype Content Model // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article 1643. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643>
- Jussim L., Crawford J.T., Rubinstein R.S.* Stereotype (in)accuracy in perceptions of groups and individuals // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. No 6. Pp. 490–497. <https://doi.org/10.1177/0963721415605257>
- Kotzur P.F., Schäfer S.J., Wagner U.* Meeting a nice asylum seeker: Intergroup contact changes stereotype content perceptions and associated emotional prejudices, and encourages solidarity-based collective action intentions // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. No 3. Pp. 668–690. <https://doi.org/10.1111/bjso.12304>
- Kotzur P.F., Veit S., Namyslo A., Holthausen M.-A., Wagner U., Yemane R.* ‘Society thinks they are cold and/or incompetent, but I do not’: stereotype content ratings depend on instructions and the social group’s location in the stereotype content space // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59. No 4. Pp. 1018–1042. <https://doi.org/10.1111/bjso.12375>
- Kotzur P.F., Wagner U.* The dynamic relationship between contact opportunities, positive and negative intergroup contact, and prejudice: a longitudinal investigation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2021. Vol. 120. No 2. Pp. 418–442. <https://doi.org/10.1037/pspi0000258>
- Kozlova M., Ryabichenko T.* Ideologies of intergroup relations in pedagogical discourse: representation of cultures and intercultural interaction in the educational books for migrant children // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2021. Vol. 50. No 6. Pp. 541–555. <https://doi.org/10.1080/17475759.2021.1910065>

- Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W.* Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow // *International Journal of Intercultural Relations*. 2016. Vol. 52. Pp. 27–38. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.03.001>
- Montreuil A., Bourhis R.Y.* Majority acculturation orientations toward “valued” and “devalued” immigrants // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. No 6. Pp. 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
- Neuberg S.L., Williams K.E.G., Sng O., Pick C.M., Neel R., Krems J.A., Pirlott A.G.* Toward capturing the functional and nuanced nature of social stereotypes: an affordance management approach // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2020. Vol. 62. Pp. 245–304. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2020.04.004>
- Paolini S., McIntyre K.* Bad is stronger than good for stigmatized, but not admired outgroups: meta-analytical tests of intergroup valence asymmetry in individual-to-group generalization experiments // *Personality and Social Psychology Review*. 2019. Vol. 23. No 1. Pp. 3–47. <https://doi.org/10.1177/1088868317753504>
- Pettigrew T.F., Tropp L.R.* A meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. No 5. Pp. 751–783. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.5.751>
- Popper M., Kollárová V.* Testing SCM questionnaire instructions using cognitive interviews // *Human Affairs*. 2018. Vol. 28. No 3. Pp. 297–311. <https://doi.org/10.1515/humaff-2018-0024>
- Reimer N.K., Becker J.C., Benz A., Christ O., Dhont K., Klocke U., Neji S., Rychlowska M., Schmid K., Hewstone M.* Intergroup contact and social change: Implications of negative and positive contact for collective action in advantaged and disadvantaged groups // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Vol. 43. No 1. Pp. 121–136. <https://doi.org/10.1177/0146167216676478>
- Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L.* Intergroup threat and outgroup attitudes: a meta-analytic review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. No 4. Pp. 336–353. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4
- Sam D.L., Berry J.W.* Acculturation: when individuals and groups of different cultural backgrounds meet // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5. No 4. Pp. 472–481. <https://doi.org/10.1177/1745691610373075>
- Stanciu A., Vaucclair C.-M., Rodda N.* Evidence for stereotype accommodation as an expression of immigrants’ socio-cognitive adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. Vol. 72. Pp. 76–86. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.07.003>
- Visintin E.P., Voci A., Pagotto L., Hewstone M.* Direct, extended, and mass-mediated contact with immigrants in Italy: their associations with emotions, prejudice, and humanity perceptions // *Journal of Applied Social Psychology*. 2017. Vol. 47. No 4. Pp. 175–194. <https://doi.org/10.1111/jasp.12423>
- Walsh S.D., Tartakovsky E.* Personal value preferences, threat-benefit appraisal of immigrants and levels of social contact: looking through the lens of the Stereotype Content Model // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 609219. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.609219>
- Zingora T., Vezzali L., Graf S.* Stereotypes in the face of reality: Intergroup contact inconsistent with group stereotypes changes attitudes more than stereotype-consistent contact // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2021. Vol. 24. No 8. Pp. 1284–1305. <https://doi.org/10.1177/1368430220946816>

История статьи:

Поступила в редакцию 9 декабря 2022 г.

Принята к печати 25 января 2023 г.

Для цитирования:

Григорьев Д.С., Комягинская Е.Ш. Межгрупповой контакт, личные и общекультурные стереотипы в межкультурных отношениях: содержание стереотипов о белорусах, китайцах,

узбеках и чеченцах в Москве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 1. С. 41–66. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-41-66>

Вклад авторов:

Д.С. Григорьев – концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных, статистический анализ, написание начального текста. *Е.Ш. Комягинская* – администрирование проекта, проверка результатов, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Григорьев Дмитрий Сергеевич, PhD, научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ScopusID: 57191706675, ResearcherID: K-3338-2015, eLIBRARY SPIN-код: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Комягинская Елизавета Шамилевна, студент магистерской программы «Прикладная социальная психология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-8841-1722, ResearcherID: HPI-5216-2022. E-mail: eshkomyaginskaya@edu.hse.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-1-41-66

EDN: DOZRIS

UDC 316.647.8

Research article

Intergroup Contact and Personal and Cultural Stereotypes in Intercultural Relations: A Case of the Stereotype Content in Moscow for Belarusians, Chinese, Uzbeks, and Chechens

Dmitry Grigoryev , **Elizaveta Komyaginskaya**

HSE University,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

 dgrigoryev@hse.ru

Abstract. The authors use the Stereotype Content Model to consider the relationship between positive and negative intergroup contact and personal and cultural ethnic stereotypes. The introduction poses the theoretical foundations through defining acculturation and adaptation, and also outlining their relationship with stereotypes and intergroup contact in the context of intercultural relations. The empirical part examines intergroup contact and ethnic stereotypes in Moscow about Belarusians, Chinese, Uzbeks, and Chechens with a gender-balanced sample consisted of 316 ethnic Russians aged 16 to 68 (34 years on average). Three competing hypotheses about the correspondence of valence of intergroup contact and stereotypes were considered: (1) constant valence asymmetry; (2) usefulness of stereotype-inconsistent information; (3) epistemic defense. As a result in linear mixed models that (1) personal stereotypes were more positive than cultural ones; (2) however, they were located relative to each other in accordance with the quadrants of cultural stereotypes; (3) intergroup contact was associated

with personal stereotypes in the direction according to the valence of the contact; (4) no evidence for interaction between negative contact and cultural stereotypes, whereas the beneficial effect of positive contact was stronger for those ethnic groups with more negative cultural stereotypes. It was concluded that personal experience has only limited scope for improving an already positive attitude, or worsening a negative one. Therefore, only a social policy aimed at changing cultural stereotypes might be efficient.

Key words: ethnic stereotypes, intergroup contact, stereotype content model, intergroup bias, intercultural adaptation, social cognition, intercultural relations, acculturation, interethnic relations, conflicts

Acknowledgements and Funding. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University, RF.

References

- Aberson, C.L. (2015). Positive intergroup contact, negative intergroup contact, and threat as predictors of cognitive and affective dimensions of prejudice. *Group Processes & Intergroup Relations*, 18(6), 743–760. <https://doi.org/10.1177/1368430214556699>
- Aberson, C.L., Ferguson, H., & Allen, J. (2021). Contact, threat, and prejudice: A test of intergroup threat theory across three samples and multiple measures of prejudice. *Journal of Theoretical Social Psychology*, 5(4), 404–422. <https://doi.org/10.1002/jts5.107>
- Awale, A., Chan, C.S., & Ho, G.T.S. (2019). The influence of perceived warmth and competence on realistic threat and willingness for intergroup contact. *European Journal of Social Psychology*, 49(5), 857–870. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2553>
- Bai, X., Ramos, M.R., & Fiske, S.T. (2020). As diversity increases, people paradoxically perceive social groups as more similar. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 117(23), 12741–12749. <https://doi.org/10.1073/pnas.2000333117>
- Barlow, F.K., Paolini, S., Pedersen, A., Hornsey, M.J., Radke, H.R.M., Harwood, J., Rubin, M., & Sibley, C.G. (2012). The contact caveat: Negative contact predicts increased prejudice more than positive contact predicts reduced prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38(12), 1629–1643. <https://doi.org/10.1177/0146167212457953>
- Batkina, A. (2020). Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: A study in Germany and Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26(1), 22–34. <https://doi.org/10.1037/pac0000429>
- Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry, J.W. (2019). Ecocultural psychology (D. Grigoryev, Trans.). *Cultural-Historical Psychology*, 15(4), 4–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
- Berry, J.W., & Grigoryev, D. (2022). An adaptationist framework to examine intergroup contact. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 83–100. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0406>
- Berry, J.W., Lepshokova, Z., MIRIPS Collaboration, & Grigoryev, D. (2022). How shall we all live together? Meta-analytical review of the mutual intercultural relations in plural societies project. *Applied Psychology*, 71(3), 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Brigham, J.C. (1971). Ethnic stereotypes. *Psychological Bulletin*, 76(1), 15–38. <https://doi.org/10.1037/h0031446>
- Crisp, R.J., & Turner, R.N. (2011). Cognitive adaptation to the experience of social and cultural diversity. *Psychological Bulletin*, 137(2), 242–266. <https://doi.org/10.1037/a0021840>
- Devine, P.G. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56(1), 5–18. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.5>
- Dover, T.L., Kaiser, C.R., & Major, B. (2020). Mixed signals: The unintended effects of diversity initiatives. *Social Issues and Policy Review*, 14(1), 152–181. <https://doi.org/10.1111/sipr.12059>

- Drobizheva, L.M. (2015). The potential of interethnic consent: Comprehension of the concept and social practice in Moscow. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (11), 80–90. (In Russ.)
- Eagly, A.H., & Koenig, A.M. (2021). The vicious cycle linking stereotypes and social roles. *Current Directions in Psychological Science*, 30(4), 343–350. <https://doi.org/10.1177/096372142111013775>
- Eagly, A.H., Nater, C., Miller, D.I., Kaufmann, M., & Sczesny, S. (2020). Gender stereotypes have changed: A cross-temporal meta-analysis of U.S. public opinion polls from 1946 to 2018. *American Psychologist*, 75(3), 301–315. <https://doi.org/10.1037/amp0000494>
- Filippova, E.I. (2014). Multiculturalism as a policy and as a figure of speech. *Vestnik Rossijskoj Natsii*, (2), 127–137. (In Russ.)
- Fiske, S.T. (1993). Controlling other people: The impact of power on stereotyping. *American Psychologist*, 48(6), 621–628. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.48.6.621>
- Fiske, S.T. (2015). Intergroup biases: A focus on stereotype content. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 3, 45–50. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2015.01.010>
- Fiske, S.T. (2017). Prejudices in cultural contexts: Shared stereotypes (gender, age) versus variable stereotypes (race, ethnicity, religion). *Perspectives on Psychological Science*, 12(5), 791–799. <https://doi.org/10.1177/1745691617708204>
- Fiske, S.T., Cuddy, A.J.C., Glick, P., & Xu, J. (2002). A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>
- Grigoryev, D. (2022). Ethnic stereotype content beyond intergroup relations within societies: Exploring the North-South hypothesis for competence and warmth. *Cross-Cultural Research*, 56(4), 345–384. <https://doi.org/10.1177/106939712211080618>
- Grigoryev, D., Berry, J.W., & Zabrodskaia, A. (2021). Editorial: Stereotypes and intercultural relations: Interdisciplinary integration, new approaches, and new contexts. *Frontiers in Psychology*, 12, 728048. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.728048>
- Grigoryev, D., Fiske, S.T., & Batkhina, A. (2019). Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: The Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 10, 1643. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643>
- Grigoryev, D.S. (2020a). Contact – Emotion – Prejudice model: The role of colorblindness and perceived ethnic density. *Social Psychology and Society*, 11(3), 167–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2020110311>
- Grigoryev, D.S. (2020b). The Stereotype Content Model and ethnic stereotypes in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(2), 215–244. (In Russ.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
- Grigoryev, D.S. (2022). Cognitive and motivational foundations underlying acculturation expectations: Applications of ethnic group position model. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 86–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109>
- Grigoryev, D.S., Batkhina, A.A., & Dubrov, D.I. (2018). Assimilationism, multiculturalism, colorblindness, and polyculturalism in the Russian context. *Cultural-Historical Psychology*, 14(2), 53–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2018140206>
- Jussim, L., Crawford, J.T., & Rubinstein, R.S. (2015). Stereotype (in)accuracy in perceptions of groups and individuals. *Current Directions in Psychological Science*, 24(6), 490–497. <https://doi.org/10.1177/0963721415605257>
- Kosmarskaya, N., & Savin, I. (2021). Perception of migrants by Muscovites through the lens of the contact hypothesis. *Etnograficheskoe Obozrenie*, (1), 94–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>
- Kotzur, P.F., & Wagner, U. (2021). The dynamic relationship between contact opportunities, positive and negative intergroup contact, and prejudice: A longitudinal investigation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 120(2), 418–442. <https://doi.org/10.1037/pspi0000258>

- Kotzur, P.F., Schäfer, S.J., & Wagner, U. (2019). Meeting a nice asylum seeker: Intergroup contact changes stereotype content perceptions and associated emotional prejudices, and encourages solidarity-based collective action intentions. *British Journal of Social Psychology*, 58(3), 668–690. <https://doi.org/10.1111/bjso.12304>
- Kotzur, P.F., Veit, S., Namyslo, A., Holthausen, M.-A., Wagner, U., & Yemane, R. (2020). ‘Society thinks they are cold and/or incompetent, but I do not’: Stereotype content ratings depend on instructions and the social group's location in the stereotype content space. *British Journal of Social Psychology*, 59(4), 1018–1042. <https://doi.org/10.1111/bjso.12375>
- Kozlova, M., & Ryabichenko, T. (2021). Ideologies of intergroup relations in pedagogical discourse: Representation of cultures and intercultural interaction in the educational books for migrant children. *Journal of Intercultural Communication Research*, 50(6), 541–555. <https://doi.org/10.1080/17475759.2021.1910065>
- Kuznetsov, I.M. (2017). The balance of interethnic attitudes as an indicator of state of interethnic relations. *Universe of Russia*, 26(1), 58–80. (In Russ.)
- Lebedeva, N., Tatarko, A., & Berry, J.W. (2016). Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow. *International Journal of Intercultural Relations*, 52, 27–38. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.03.001>
- Montreuil, A., & Bourhis, R.Y. (2001). Majority acculturation orientations toward “valued” and “devalued” immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(6), 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
- Mukomel', V.I. (2021). Migration situation and migrants in the perception of Russians. *Vestnik Rossijskoj Natsii*, (1–2), 53–68. (In Russ.)
- Neuberg, S.L., Williams, K.E.G., Sng, O., Pick, C.M., Neel, R., Krems, J.A., & Pirlott, A.G. (2020). Toward capturing the functional and nuanced nature of social stereotypes: An affordance management approach. *Advances in Experimental Social Psychology*, 62, 245–304. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2020.04.004>
- Novikov, A.L., & Novikova, I.A. (2019). Ethnic stereotypes in intercultural communication: Psychological and semantic aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 977–989. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
- Paolini, S., & McIntyre, K. (2019). Bad is stronger than good for stigmatized, but not admired outgroups: Meta-analytical tests of intergroup valence asymmetry in individual-to-group generalization experiments. *Personality and Social Psychology Review*, 23(1), 3–47. <https://doi.org/10.1177/1088868317753504>
- Pettigrew, T.F., & Tropp, L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90(5), 751–783. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.5.751>
- Popper, M., & Kollárová, V. (2018). Testing SCM questionnaire instructions using cognitive interviews. *Human Affairs*, 28(3), 297–311. <https://doi.org/10.1515/humaff-2018-0024>
- Reimer, N.K., Becker, J.C., Benz, A., Christ, O., Dhont, K., Klocke, U., Neji, S., Rychlowska, M., Schmid, K., & Hewstone, M. (2017). Intergroup contact and social change. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(1), 121–136. <https://doi.org/10.1177/0146167216676478>
- Riek, B.M., Mania, E.W., & Gaertner, S.L. (2006). Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4), 336–353. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4
- Sam, D.L., & Berry, J.W. (2010). Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet. *Perspectives on Psychological Science*, 5(4), 472–481. <https://doi.org/10.1177/1745691610373075>
- Shamionov, R.M. (2018). Formation of discriminatory personal attitudes in the process of socialization. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(2), 129–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-135>
- Soldatova, G.U. (1993). Research on dynamics of ethnic stereotypes. In P.N. Shikhirev (Ed.), *Socio-Psychological Studies of Interethnic Relations*. Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

- Stanciu, A., Vauclair, C.-M., & Rodda, N. (2019). Evidence for stereotype accommodation as an expression of immigrants' socio-cognitive adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 76–86. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.07.003>
- Stepanov, V.V., & Tishkov, V.A. (Eds.). (2014). *Social factors of ethnic intolerance (results of an interdisciplinary study)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science. (In Russ.)
- Varshaver, E.A. (2015). Contact theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 183–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>
- Visintin, E.P., Voci, A., Pagotto, L., & Hewstone, M. (2017). Direct, extended, and mass-mediated contact with immigrants in Italy: Their associations with emotions, prejudice, and humanity perceptions. *Journal of Applied Social Psychology*, 47(4), 175–194. <https://doi.org/10.1111/jasp.12423>
- Voronina, N.S., & Fadeev, P.V. (2020). Who is set against migrants in Russia? Analyzing certain socio-demographic characteristics. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 11(4), 99–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681>
- Walsh, S.D., & Tartakovsky, E. (2021). Personal value preferences, threat-benefit appraisal of immigrants and levels of social contact: Looking through the lens of the Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 12, 609219. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.609219>
- Zingora, T., Vezzali, L., & Graf, S. (2021). Stereotypes in the face of reality: Intergroup contact inconsistent with group stereotypes changes attitudes more than stereotype-consistent contact. *Group Processes & Intergroup Relations*, 24(8), 1284–1305. <https://doi.org/10.1177/1368430220946816>

Article history:

Received 9 December 2022

Revised 22 January 2023

Accepted 25 January 2023

For citation:

Grigoryev, D., & Komyaginskaya, E. (2023). Intergroup contact and personal and cultural stereotypes in intercultural relations: A case of the stereotype content in Moscow for Belarusians, Chinese, Uzbeks, and Chechens. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(1), 41–66. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-41-66>

Author's contribution:

Dmitry Grigoryev – concept and design of the research, data collection and processing, text writing. *Elizaveta Komyaginskaya* – project administration, verification of results, text writing and editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Dmitry Grigoryev, PhD, Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ScopusID: 57191706675, ResearcherID: K-3338-2015, eLIBRARY SPIN-code: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Elizaveta Komyaginskaya, student, master program “Applied Social Psychology”, HSE University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-8841-1722, ResearcherID: HII-5216-2022. E-mail: eshkomyaginskaya@edu.hse.ru